

I

Он проснулся от того, что кто-то скребся в оконные ставни. Значит, он все-таки спал.

— Ребенок на подходе! — кричали с улицы. — *Signor il dottore!**

Не разобравшись, он решил, что речь идет об их с женой ребенке. Он закутался в простыню и подбежал к окну, прежде чем сообразил, что жена спит рядом. За стеклом луной маячило лицо крестьянина Риццу.

— Чей ребенок? — спросил доктор.

— Синьора графа. Чей же еще?

Стараясь не разбудить жену, он направился к двери. Лунный свет придавал двору странную отчетливость. Даже Риццу не был на себя похож. Воскресный пиджак и галстук сидели на нем колом, будто их прибили гвоздями.

— Это ошибка, — произнес доктор. — Я не должен принимать роды у графини.

— Но мне сам *signor il conte*** приказал вас привезти.

— Меня не вызывали к *la contessa**** принимать роды. Ее беременность наблюдала акушерка. Д'Исанту, должно быть, имел в виду, чтобы ты привез ее.

---

* Синьор доктор! (*ит.*)

** Синьор граф (*ит.*)

*** Графиня (*ит.*)

— Нет-нет, акушерка уже там. Граф требует вас. Он сказал, это срочно. — Риццу так и распирало от важности его миссии. — Так вы едете? Прямо сейчас?

— Но моя жена вот-вот родит. Я бы не хотел оставлять ее без крайних на то причин.

Однако Риццу не отступался.

— *La contessa* уже рожает, прямо сейчас, — настаивал он. — Я не думаю, что этого можно избежать, *dottore*.

— А что, акушерка одна не справится?

— Нет, *dottore*. Это... трудные роды. Вы нужны, потому что ребенок не выйдет без этих ваших штук навроде сахарных щипцов. — Риццу недовольно поджал губы из-за необходимости произносить подобное. Сам он ни разу не присутствовал при появлении на свет своих девятерых детей, предпочитая считать, что их лепят из глины, словно Адама и Еву. — Так вы едете? — спросил он снова.

Доктор выругался про себя, понимая, что деваться некуда.

— Только возьму пальто и шляпу, — сказал он. — Я догоню тебя через пять минут. Ты на своей повозке или мы пойдем пешком?

— Нет, что вы, *dottore*? Конечно, я приехал на повозке.

— Будь наготове.

Доктор одевался в темноте. Часы показывали без четверти два. Он уложил инструменты: щипцы, хирургические ножницы, набор шприцев — все это он приготовил для родов своей жены, включая морфий и магнезию на случай экстренных обстоятельств. Собравшись, он разбудил жену.

— Как часто ты просыпаешься от схваток, *amore*?* — спросил он. — У жены графа начались роды раньше времени — будь она неладна! Меня вызывают.

Она нахмурилась спросонья.

— Пока еще нечасто... я хочу спать...

---

* Здесь: любовь моя (*um.*).

Бог даст, он примет ребенка графини и успеет вернуться до родов жены. Доктор перебежал через площадь к дому старой Джезуины, которая была местной повитухой, пока не начала слепнуть.

— Синьора Джезуина, *mi dispiace**, — сказал он. — Вы не побудете с моей женой? Меня вызывают к другому пациенту, а у моей жены уже начались схватки.

— Что за другой пациент? — спросила Джезуина. — Пресвятая Агата! Не иначе кто-то отдает Богу душу на этом проклятом острове, раз вам нужно оставлять жену в такое время?

— У графини преждевременные роды, возникли осложнения — я везу щипцы.

— Так это жена графа? И вас вызывают на роды?

— Да, *signora*.

— Я слышала, что у вас имеются причины не принимать роды у синьоры графини. — И старуха многозначительно замолчала.

— Что вы слышали, синьора Джезуина? — Доктор с трудом подавлял раздражение.

— Люди болтают.

— Так вы посидите с ней или нет?

Джезуина опомнилась:

— Да, пресвятая Агата, конечно, посижу. Ты где, сынок? Дай-ка я за тебя возьмусь, а то ведь недолго споткнуться об эти чертовы камни.

Повитуха действительно была почти слепая. Ковыляя за доктором через площадь, она держалась за его пальто. Войдя в спальню, старая Джезуина тут же уселась в углу на стуле. Доктор понадеялся, что его жена, проснувшись и увидев старуху, не испугается.

Был уже третий час. Он поцеловал жену в лоб и вышел из спальни.

Все еще чертыхаясь, он отправился на поиски Риццу и его повозки. Проклятый граф и его женушка. Она отка-

---

* Здесь: мои извинения (*ит.*).

залась от его услуг, пока была беременна, и предпочла помощь акушерки. И зачем теперь срочно вызывать его на виллу в два часа ночи? Все ее осложнение, скорее всего, сведется к перекрученной пуповине или какой-нибудь слишком болезненной схватке, и никакой нужды в щипцах вовсе нет. Его жена осталась одна, а он тащится через весь город по графскому вызову.

Риццу ждал, держа в руках шляпу — торжественно, будто на мессе. Они забрались в запряженную осликом повозку. Борта этого странного желто-зеленого средства передвижения были расписаны сценами великих битв, кораблекрушений и чудес, происходивших на острове. Этот транспорт предназначался не для мирской суеты. В тишине, нарушаемой только шумом моря, они двигались по сонным улицам городка. Лунный свет поблескивал на листьях пальм, ложился на пыльный круп ослика.

— Два младенца родятся на острове, — бормотал доктор. — У моей жены и у графини. И появятся они одновременно. Кто же будет их *medico condotto*?*

— Ну, — отозвался Риццу, — разве это не двойное благословение, *dottore*? За одну ночь народятся два младенца — такого в истории острова еще не было.

— Двойные хлопоты.

В двадцать минут третьего они добрались до ворот графской виллы. Доктор подхватил пальто, шляпу, саквояж и припустил по дорожке, чтобы поскорей покончить с этим делом.

Граф стоял у дверей спальни своей супруги в новой части дома. Его лицо в электрическом свете блестело, он походил на рептилию.

— Вы опоздали. Я послал за вами почти час назад.

— От моих услуг отказались. — Раздраженный доктор и не подумал извиняться. — И моя собственная жена тоже рожает. Несколько дней как у нее схватки. Не самое лучшее время оставлять ее одну. И я полагал, что

---

* Сельский врач (*um.*).

la contessa пожелала, чтобы роды принимала только акушерка.

— Да, пожелала. Но это я послал за вами. Кармела в этой комнате, вам лучше взглянуть на нее. — Граф отступил в сторону, давая доктору протиснуться мимо своей внушительной особы в комнату графини.

В недавно проведенном электрическом свете все вокруг казалось мертвенно-бледным. Акушерка трудилась в монотонном ритме: дышите, тужьтесь, дышите, тужьтесь. Но Кармела не дышала и не тужилась. Доктор понял, что дело не в перекрученной пуповине и не в болезненных схватках. Если пациентка на этой стадии родов не тужится, то это не предвещает ничего хорошего. Ему нечасто приходилось испытывать страх во время работы, но сейчас он почувствовал, как холодок пополз между лопаток.

— Ну наконец-то вы прибыли! — с осуждением сказала акушерка.

Миниатюрная горничная тряслась у изножья кровати. Как ее зовут? Пьеранджела. Он лечил ее от бурсита.

— Принесите мне воды помыть руки, — велел доктор. — Как долго пациентка находится в этом состоянии?

— О боже! Да уж несколько часов, *signor il dottore!* — Рыдающая Пьеранджела подала ему мыло и горячую воду.

— Судороги продолжаются уже час, — поправила ее акушерка. — И еще у нее приступы изнеможения, когда она никого и ничего не видит.

— Когда начались схватки?

— Вчера рано утром, когда меня вызвали. С семи часов.

С семи часов. То есть они мучаются уже девятнадцать часов.

— Беременность проходила нормально?

— Отнюдь. — Акушерка протянула ему пачку листов — будто чтение ее записей как-то могло помочь в этой ситуации. — *La contessa* оставалась в постели весь последний месяц. У нее отекали руки и были сильные головные боли. Я думала, вы знаете о ее состоянии.

— Отек рук! — воскликнул доктор. — Сильные головные боли! Что же вы меня не вызвали?

— *La contessa* не разрешила, — ответила акушерка.

— Но вы! Вы же могли меня вызвать.

— С Сицилии приезжал доктор синьора графа. Он ее осмотрел и сказал, что ничего страшного не происходит. Что я могла поделать?

— Она должна была рожать в больнице в Сиракузе, а не здесь! — Доктор все больше сердился на акушерку и перепуганную Пьеранджелу. — У меня нет инструментов, чтобы сделать кесарево сечение! И морфия слишком мало!

— Она отказывалась за вами посылать, — сказала акушерка. — Я диагностировала предэклампию, *dottore*, но кто меня послушается? — И она развела руками, еще больше разозлив доктора.

— Вы должны были бороться! Настоять, чтобы ее отправили в больницу!

Пьеранджела принялась причитать: «Святой Иисус и Мария Матерь Божья, пресвятая Агата, заступница несчастных, и все святые угодники...»

Принятое решение придало уверенности его движениям. Рано или поздно так бывало всегда.

— Все в сторону! — приказал доктор. — Приготовьте кипяток и чистые простыни. Все должно быть чистым.

Принесли воды, из-под обмякшего тела Кармелы вытащили запачканные простыни. Доктор простерилизовал шприц и, наполнив его магниезией, ввел лекарство в руку роженицы. Прodelывая одну манипуляцию за другой, он словно следовал некоему ритуалу, будто читал молитву «Ангел Господень» или перебирал четки. Подготовил морфий, хирургические ножницы, щипцы.

— Найдите мне иголку и нитки, — бросил он акушерке. — Подготовьте марлевые тампоны и йод. Это все есть в моем саквояже.

Внезапно голос подала Кармела.

— Я просила вызвать только акушерку, — прошептала она. — Не тебя.

— С этим уже ничего не поделаешь. Нам надо извлечь ребенка как можно скорее, — ответил доктор, не обращаясь к ней напрямую.

Он взял морфий и сделал еще укол в тонкую руку. Пока Кармела засыпала, наметил ножницами разрез, примерившись сначала в воздухе. Один точный разрез длиной в пару дюймов. Простыни... так, а где простыни?

— Быстро постелите чистые! — приказал он.

На Пьеранджелу нашло оцепенение, она двигалась как во сне.

— Все должно быть чистое! — заорал доктор. Свою науку он постигал в грязных обледенелых окопах в Трентино. — Все. Если ее не убьют приступы, ее прикончит сепсис.

Кармела вновь пришла в себя. Доктор поймал ее взгляд, глаза выражали один лишь страх — он сотни раз видел такой страх в глазах солдат, когда те выходили из наркоза. Доктор положил ладонь ей на плечо. При его прикосновении, как он и предвидел, что-то в ней изменилось. Она приподняла голову и со всей силой осуждения, на которую была способна, произнесла:

— Это твоя вина.

— Еще морфия, — велел доктор акушерке.

— Твоя вина, — повторила Кармела. — Твой ребенок. Все уже догадались, кроме тебя. Почему ты не смотришь на меня, Амедео?

Он ввел ей лекарство, даже не взглянув на нее, но почувствовал, как спальня будто сжалась под тяжестью ее обвинения. Как только Кармела вновь погрузилась в беспмятство, он встал на колени, сделал разрез, просунул руку и повернул ребенка на четверть оборота. Затем с помощью щипцов одним движением извлек его наружу.

Это был мальчик. И он уже дышал. Доктор перерезал пуповину и передал ребенка акушерке.

— Пока не вышла плацента, ей все еще грозит опасность, — сказал он. Вскоре плацента вышла целиком, и сопровождаемые криком и кровью роды были окончены.

Кармела, как он и предвидел, тут же очнулась. Приподнявшись на влажных простынях, потребовала ребенка. Доктора накрыло дурнотой от облегчения и усилий скрыть его. Он отошел к окну, посмотрел на аллею, ведущую от виллы графа к дороге. Газовые фонари между деревьями сияли зелеными сферами. Пейзаж, терявшийся в сумраке, был уныл и печален: пустынный склон и черное море за ним. Все изменилось, с тех пор как он последний раз на все это смотрел. Комната стала другой. Кармела стала другой. Он и сам стал другим.

Взяв себя в руки, доктор вернулся к своим пациентам. Проверил пульс у Кармелы и у ребенка, потом зашил разрез и протер все йодом. Он проследил за тем, чтобы плаценту, окровавленные простыни, тампоны и бинты сожгли, и только после этого позволил себе повнимательнее рассмотреть Кармелу. Поглощенная младенцем, она забыла о его присутствии. Неужели это тело, истерзанное родами, которое он только что колол, резал и подвергал различным манипуляциям, было целым и молодым, когда он видел его последний раз? Как странно. *Твоя вина. Твой ребенок.* Он позволил себе взглянуть на новорожденного. Здоровый малыш с черным пушком на голове — почему такой кроха вообще должен кому-то принадлежать? Доктор видел в нем черты графа: толстая шея, глаза навывкате.

Но, так или иначе, она бросила ему обвинение, вот что самое главное.

После того как работа была завершена, на него накатил свинцовая усталость. В дверях возник граф, и Кармелу спешно обтерли и прикрыли. Доктору выпало объявить о рождении младенца. И он исполнил свою роль с большим воодушевлением, чем на самом деле испытывал, произнося подобающие случаю фразы: «Прекрасное дитя... сильный мальчик... приступ эклампсии... надеюсь на скорое выздоровление».

Граф осмотрел младенца, осмотрел супругу, кивнул доктору, давая понять, что его миссия окончена.

Поскольку надобности в его услугах больше не было, доктор почистил и собрал свои инструменты и сумрачными коридорами вышел на свежий воздух. Поднимавшееся солнце заливало все истинно средиземноморским сияющим светом. Было начало седьмого.

По дорожке между пальмами кто-то бежал. Риццу.

— *Signor il dottore!* — кричал старик. — У вас мальчик!

Из-за крайней усталости доктор в первый миг ничего не понял.

— Мальчик! — надрывался Риццу, распугивая голубей. — Ваша жена родила мальчика!

Cazzo!* Он совсем забыл. Доктор кинулся навстречу Риццу.

— Очень быстро разрешилась, — выкрикивал в возбуждении старик, растеряв всю свою чопорность. — За час. Джезуина сказала, она могла бы родить, даже не просыпаясь. — Старик перевел дух. — Тем лучше. Ха! Слава Господу, и святой Агате, и всем святым!

Отказавшись от неспешной повозки, доктор побежал домой через пробуждающийся городок. Уже подавали голос цикады, свет разливался по аллеям и площадям, в сотне вдовьих дворов быстро и нетерпеливо скребли метлы. Он чувствовал, как солнечный свет и свет в его душе сливаются воедино и все вокруг будто преобразается.

В спальне стоял запах крови и пота. Джезуина дремала, прямо сидя на стуле у изножья кровати. Ребенок тоже спал — на сгибе материнской руки.

— Прости меня, *amore*, — сказал доктор.

— Это оказалось легче, чем я думала, — ответила жена со свойственной ей рассудительностью. — Столько страхов, а все закончилось через час. Мы с Джезуиной отлично справились без тебя.

Он стер остатки крови. Младенец, длинное мурлыкающее существо, похожее на новорожденного котенка, словно явился из иного мира.

---

* Здесь: мать твою! (*um.*)

Доктор взял малыша на руки, осмотрел ножки и ручки, сложил ступни, разделил пальчики и, испытав прилив гордости, прослушал через стетоскоп трепыхание сердечка. Вместе с нахлынувшей радостью его переполняли нежность и странное поэтическое чувство. Какая же огромная разница — быть отцом или просто любовником. Теперь он это понимал! Почему же он так долго не решался завести ребенка? Он осознал, что жизнь его до этого момента не имела значения. Она была подготовкой к этому часу.

Однако существовала проблема — второй ребенок. Из-за этой ведьмы Кармелы к полудню слухи разнесутся по всему острову: чудо, близнецы, рожденные разными матерями, явились на свет в один час, словно так и было задумано! Он знал, что станут говорить люди.

Жена лежала обессиленная, апатичная, точно пробежала марафон. Он осмотрел ее, покрывая поцелуями с пылкостью, отчасти вызванной чувством вины. Он понимал, какая буря надвигается: и акушерка, и Пьеранджела слышали слова Кармелы. Подобная новость может настроить против него жену, соседей и, может быть, даже заставит его покинуть остров. Но сейчас его переполняло одно лишь ликование.